

8. Акаев Д.В. Социально-политическая активность участников интернет-сообществ // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4. С. 45–48.
9. Тетюев Л.И. Идея коммуникативного разума в социальной философии Юргена Хабермаса // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 3. С. 70–76.
10. Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2007.
11. Демидова М.В. Методология постнеклассической науки: проект рекурсивной парадигмы социального знания // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 8. С. 20–23.
12. Земченков Н.Ф., Костенко М.А. Проблема легитимации гражданских инициатив в условиях устойчивого развития правовой системы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 2 (28), ч. 1. С. 63–66.
13. Тульчинский Г.Л. От общества недоверия – к социальному партнерству (школа в системе социального партнерства) // Инновационное развитие профессионального образования. Челябинск, 2014. № 1 (05). С. 32–36.
14. Орлов М.О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Известия Саратовского университета. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, № 2. С. 55–59.

Z.V. Fomina

**A Man of the Epoch
of Historical Disasters**

As exemplified by the novel “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak, the transformations of a man’s spiritual world in conditions of World War I, revolution and civil war in Russia are traced. The idea of reverence for life is accentuated and the thought of individual inner world integrity maintenance as a condition for true existence is explicated.

Key words and word-combinations: life-purpose reflection, transitivity experience, apologia of life, inner world, creativity.

На материале романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» прослеживаются трансформации духовного мира человека в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России. Акцентируется идея благоговения перед жизнью, развивается мысль о сохранении целостности внутреннего мира личности как условии подлинного бытия.

Ключевые слова и словосочетания: смысловознательная рефлексия, опыт переходности, апология жизни, внутренний мир, творчество.

УДК 316.75:32
ББК 66.05

З.В. Фомина

**ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
КАТАСТРОФ**

Драматизм человеческого существования, изначально присущий всякому жизненному пути, наиболее остро проявляется в переходные эпохи. Черты переходности, катастрофичности характерны и для социально-исторической ситуации последних десятилетий, что с неизбежностью порождает особый накал и напряженность смысловознательной рефлексии современного человека. Значительное место в пространстве отмеченных экзистенциальных вопрошаний принадлежит литературе. Поразительно то сходство, которое обнаруживается при сопоставлении двух, разделенных столетием,

исторических ситуаций — первых десятилетий XX и XXI вв. Для обеих характерны острое ощущение надвигающейся мировой войны и социальные потрясения, граничащие с революцией. В такие периоды наиболее полно раскрывается подлинная сущность человека — его глубинные смысложизненные ориентации, его фундаментальные ценности. С этой точки зрения поистине бесценен опыт осмысления драматических перипетий жизненного мира личности, который дает литература.

В качестве объекта анализа избран роман, события в котором разворачиваются на фоне важнейших социальных потрясений первой четверти XX в. — Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России, — роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Предметом внимания выступает эволюция внутреннего мира главного героя Юрия Живаго.

Социальные катастрофы не возникают сами по себе: помимо объективных предпосылок они есть результат сознательных усилий, целенаправленной деятельности наиболее активных элементов общества — тех, кого Н. Гумилев назвал «пассионариями». При этом каковы бы ни были масштабы исторических событий, основной массе населения принадлежит в них роль пассивных участников. Однако это пассивность особого рода — отличная от обычного толкования этого свойства как «безучастности, бездеятельности, вялости», ибо именно на плечи простых обывателей ложится наиболее тяжелая в человеческом отношении ноша — *пере-жить* ломку всех жизненных устоев. Вырванные из привычной жизни, погруженные, чаще всего против своей воли, в катастрофическую ситуацию, они, помимо необходимости выжить, адаптироваться к новым реалиям жизни, оказываются в ситуации экзистенциальной — стоящими перед выбором пути, выбором себя. «Революция вырвалась против воли, как слишком долго задержанный вздох, — говорит Живаго. — Каждый ожил, переродился, у всех превращения, перевороты. Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая» [1, с. 196].

Хорошо известно настроение восторженности, которое сопровождало ожидание революции представителями разных слоев российской интеллигенции, мыслившей грядущие перемены как очищающий пожар, зарю новой, более совершенной жизни. Открывшаяся в первые после переворота годы свобода как будто подтверждала эти ожидания. «Вы подумайте, какое сейчас время! И мы с вами живем в эти дни! — восклицает Юрий Живаго в разговоре с Ларой. — Ведь только раз в вечность случается такая небывальщина. Подумайте: со всей России сорвало крышу, и мы со всем народом очутились под открытым небом. И некому за нами подглядывать. Свобода! Настоящая, не на словах и в требованиях, а с неба свалившаяся, сверх ожидания. Свобода по нечаянности, по недоразумению. И как все растерянно-огромны! Вы заметили? Как будто каждый подавлен самим собою, своим открывшимся богатырством» [1, с. 196]. В этом пока еще не вполне определившемся восторженном рассуждении обращает на себя внимание уже присутствующее понимание тяжести ответственности, сопутствующей свободе.

Дальнейшее развитие событий, погружение в реальный процесс осуществления этой свободы, разворачивания революционной стихии не только корректирует прежние, идеализированные ожидания, но и формирует новый жизненный опыт. «Таким новым была война, ее кровь и ужасы, ее бездомность и одичание. Таким новым были ее испытания и житейская мудрость, которой война учила. Таким новым были захолустные города, куда война заносила, и люди, с которыми она сталкивала. Таким новым была революция, не по-университетски идеализированная под девятьсот пятый год, а эта, нынешняя, из войны родившаяся, кровавая, ни с чем не считающаяся солдатская революция, направляемая знатоками этой стихии, большевиками» [1, с. 212].

Осмысливая эти перемены, Живаго, пребывающий все еще в горизонте своих прежних жизненных установок, пытается пересилить внешнюю ситуацию: удержать собственный мир, сохранить самоидентичность. «Три года перемен, неизвестности, переходов, война, революция, потрясения, обстрелы, сцены гибели, сцены смерти, взорванные мосты, разрушения, пожары — все это вдруг превратилось в огромное пустое место, лишенное содержания. Первым истинным событием после долгого перерыва было это головокружительное приближение в поезде к дому, который цел и есть еще на свете и где дорог каждый камушек. Вот что было жизнью, вот что было переживанием, вот за чем гонялись искатели приключений, вот что имело в виду искусство — приезда к родным, возвращение к себе, возобновление существования» [1, с. 216]. Однако уже вскоре он осознает невозможность возвращения к старым устоям: «В течение нескольких следующих дней обнаружилось, до какой степени он одинок. Он никого в этом не винил. Видно, сам он хотел этого и добился. <...> Странно потускнели и обесцветились друзья. Ни у кого не осталось своего мира, своего мнения. Они были гораздо ярче в его воспоминаниях» [1, с. 226].

Этот момент имеет особое значение для характеристики внутреннего мира Юрия Живаго, поскольку здесь отчетливо вскрываются признаки экзистенциальной ситуации — ситуации выбора себя. Что означает это осознание своего одиночества? Каковы будут его следствия? Потеря привычного, родного мира, «обесцвечивание» друзей легко может привести к позиции гордого одиночного противостояния новому чуждому миру. Но и в этом проявляется подлинная — христианская — сущность его личности, духовная эволюция Живаго идет в ином направлении. Он чувствует невозможность отделить себя от других, от своей страны, своего народа:

«Всего же грустнее было, что вечеринка их представляла отступление от условий времени. Нельзя было предположить, чтобы в домах напротив по переулку так же пили и закусывали в те же часы. За окном лежала немая, темная и голодная Москва. Лавки ее были пусты, а о таких вещах, как дичь и водка, и думать позабыли.

И вот оказалось, что только жизнь, похожая на жизнь окружающих и среди нее бесследно тонущая, есть жизнь настоящая, что счастье обособленное не есть счастье, так что утка и спирт, которые кажутся единственными в городе, даже совсем не спирт и не утка. Это огорчало больше всего» [1, с. 227].

Сознательный выбор общей судьбы, причастности своему народу продекларирован им и в напряженном разговоре с коллегой, отказывающимся служить в больнице при новой власти: «Служу, — говорю, — и прошу не прогневаться: нашими лишениями я горжусь, и людей, которые делают нам честь, подвергая нас этим лишениям, уважаю» [1, с. 250]. Таков первый — стоический — выбор Живаго, принявшего судьбу своего народа и готового разделить все ее тяготы.

Обращает на себя внимание интуитивно мудрая умеренность жизненной позиции доктора. В ней нет экстремистской направленности и пафоса героя, нет желания выделиться, нет презрения к «толпе». В романе Б. Пастернака отчетливо показано, что прямолинейно, безоглядно служащие идее герои погибают — будь то красный командир Стрельников или неопытные мальчишки-добровольцы в рядах белой армии. Вот рассуждения автора о поведении молодых белогвардейцев во время боя с партизанами: «Служение долгу, как они его понимали, одушевляло их восторженным молодечеством, ненужным, вызывающим. Они шли рассыпным редким строем, выпрямившись во весь рост, превосходя выправкой кадровых гвардейцев и, бравирюя опасностью, не прибегали к перебежке и залеганию на поле, хотя на поляне были неровности, бугорки и кочки, за которыми можно было укрыться. Пули партизан почти поголовно выкашивали их» [1, с. 395].

Живаго, от души сочувствующий погибающим, тем не менее далек от подобного героизма. Он целиком принадлежит срединному пути — пути, завещанному Сократом и Конфуцием, пути, указанному Христом. Именно это удерживает его от активной социальной деятельности в последующий, мирный послевоенный период. Для него неприемлема симуляция величия свершаемых перемен. Он занят поисками смысла человеческого существования и в этой напряженной рефлексии утверждает в своей приверженности и симпатии к обычному рядовому человеку, своей повседневной, будничной жизнью поддерживающему и воспроизводящему традиционные основы бытия. «Что же мешает мне служить, лечить и писать? — размышляет Юрий Андреевич. — Я думаю, не лишения и скитания, не неустойчивость и частые перемены, а господствующий в наши дни дух трескучей фразы, получивший такое распространение, — вот это самое: заря грядущего, построение нового мира, светочи человечества. А на деле оно именно и высокопарно по недостатку дарования. Сказочно только рядовое, когда его коснется рука гения. Лучший урок в этом отношении Пушкин. Какое славословие честному труду, долгу, обычаям повседневности! Теперь у нас стало звучать укорительно мещанин, обыватель» [1, с. 344]. Попутно заметим, что Живаго демонстрирует способность вынести, пережить, пересилить жизненные и исторические невзгоды собственными внутренними силами, не допуская упадничества и отчаяния, не прибегая к вспомогательным средствам, вроде алкоголя и наркотиков, как, например, партизанский начальник Ливерий, грешивший нюханьем кокаина.

Апология жизни — фундаментальная, глубинная идея романа, формирующаяся в ходе его развертывания и результирующая трагический опыт переходности, стояния между жизнью и смертью — экзистенциальный опыт обрете-

ния подлинного бытия. Не случайно и фамилия героя — Живаго — содержит в себе указание на жизнь, имеет единый с жизнью корень. Более того, многие исследователи считают, что автор предпочитает имя, соотносящееся с образом Иисуса Христа — «сына Бога Живаго» [2]. Принятие жизни самой по себе, независимо от ее характера и содержания, постулируется Пастернаком как выражение человеческой мудрости, ориентированной на сохранение жизни как важнейшего дара, требующего трепетного отношения. Осмысливая практику первых полереволюционных лет в России, Живаго размышляет: «За это время пора было прийти к чему-нибудь. А выяснилось, что для вдохновителей революции суматоха перемен и перестановок — единственная родная стихия, что их хлебом не корми, а подай им что-нибудь в масштабе земного шара. Построения миров, переходные периоды — это их самоцель. <...> Человек рождается жить, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны!» [1, с. 358].

Настоящим гимном жизни звучит размышление Юрия Андреевича о Ларе, отождествляемой им с самой жизнью:

«Вот весенний вечер на дворе. Воздух весь размечен звуками. Голоса играющих детей разбросаны в местах разной дальности, как бы в знак того, что пространство все насквозь живое. И эта даль — Россия, его несравненная, за морями нашумевшая, знаменитая родительница, мученица, упрямецца, сумасбродка, шалая, боготворимая, с вечно величественными и гибельными выходками, которых никогда нельзя предвидеть! О как сладко существовать! Как сладко жить на свете и любить жизнь! О как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию, сказать это им самим в лицо!

Вот это-то и есть Лара» [1, с. 457].

Такое отождествление не случайно для Пастернака. Как отмечает исследователь И.А. Птицын, «Лариса Антипова, Тоня Громеко, Марина Шапова, Сима Тунцева — все эти женщины становятся в романе Пастернака... носительницами черт их великого прообраза — Богоматери, о чем в “концентрированном виде”... сказано в стихотворении “Рождественская звезда”» [3].

В разговоре с Ливерием Аверкиевичем Живаго признается, что впадает в отчаяние всякий раз, когда я слышит о переделке жизни: «Переделка жизни! Так могут рассуждать люди, хотя, может быть, и выдавшие виды, но ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие ее духа, души ее. Для них существование — это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом, жизнь никогда не бывает. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий [1, с. 401].

Отмеченное приятие жизни не является в данном случае признаком пассивности, беспринципного конформизма. Напротив, оно предполагает наличие устойчивых внутренних оснований, обеспечивающих способность вынести все ее испытания. Именно это — формирование и укрепление собственного внутреннего мира — представлено в романе Пастернака в качестве предпосылки, определяющей жизненную позицию Живаго, ее содержание и направлен-

ность. Автор специально акцентирует этот процесс, сравнивая самоощущения десятилетнего Юры на похоронах матери и уже зрелого, двадцатидвухлетнего Юрия на похоронах Анны Ивановны:

«Он до сих пор помнил, как он безутешно плакал, пораженный горем и ужасом. Тогда главное было не в нем (курсив наш. — З.Ф.). Тогда он едва ли даже соображал, что есть какой-то он, Юра, имеющийся в отдельности и представляющий интерес или цену. Тогда главное было в том, что стояло кругом, в наружном. <...> Совсем другое дело было теперь. Все эти двенадцать лет школы, средней и высшей, Юра занимался древностью и Законом Божиим, преданиями и поэтами, науками о прошлом и о природе, как семейною хроникой родного дома, как своею родословною.

Сейчас он ничего не боялся, ни жизни, ни смерти, все на свете, все вещи были словами его словаря. Он чувствовал себя стоящим на равной ноге со вселенною...» [1, с. 134–135].

Однако это ощущение прочности, равновесия должно было подвергнуться испытанию.

Вызванное войной и революцией потрясение, разрушение традиционных основ жизни вновь побуждает Живаго сосредоточиться на своей внутренней жизни, практически пренебрегая жизнью внешней — в этом объяснение его бытовой деградации. Последняя предстает как невозможность включиться в новую социальную жизнь, чуждую ему по самой сущности, — именно потому, что ему удалось сохранить целостность своего внутреннего мира (в отличие от друзей его юности Гордона и Дудорова, эволюционировавших в соответствии с новыми условиями и утратившими свое лицо). Оставив свою последнюю семью, он сообщил им, что «в целях скорейшей и полной переделки своей судьбы хочет побыть некоторое время в одиночестве, чтобы в сосредоточенности заняться делами, когда же хоть сколько-нибудь укрепитесь на новом поприще и убедитесь, что после совершившегося перелома возврата к старому не будет, выйдет из своего тайного убежища и вернется к Марине и детям» [1, с. 557]. Но «укрепиться на новом поприще» не получается — это противоречило бы всем жизненным устоям Юрия Андреевича. Напротив, потребность выразить, излить на бумаге и тем самым сохранить свое понимание жизни, ее глубинный сакральный смысл становится единственной целью его жизни в этот последний период.

«Жилая комната доктора была пиршественным залом духа, чуланом безумств, кладовой откровений» — так описывает Пастернак одинокое, почти лишенное признаков материального, бытового существования и полностью поглощенное творчеством пребывание Живаго в его последнем пристанище — комнате в Камергерском переулке [1, с. 559]. Стихи — выражение его подлинной, внутренней жизни, его подлинного Я. Рождение их естественно и почти произвольно. Стремление работать, жажда творчества, потребность высказать свое внутреннее, глубинное сопровождает Живаго на протяжении всей жизни как главная, важнейшая интенция его жизни. Не случайно во время болезни, в состоянии тифозного бреда, когда внешние содержания и ограничения утрачивают свою силу и в горизонте сознания

остаётся и доминирует только сущностное, фундаментальное, он полностью погружается в работу:

«Можно работать. И вот он пишет.

Он пишет с жаром и необыкновенной удачей то, что он всегда хотел и должен был давно написать, но никогда не мог, а вот теперь оно выходит» [1, с. 361].

Знаменательно, что творчество увязывается Пастернаком с образом смерти (выступающей в бредовом сознании Юрия Андреевича в облике его сводного брата Евграфа). «Совершенно ясно, что мальчик этот — дух его смерти или, скажем просто, его смерть» [1, с. 361]. Писатель отчетливо формулирует здесь экзистенциальную проблему: «Но как же может он быть его смертью, когда он помогает ему писать поэму, разве может быть польза от смерти, разве может быть в помощь смерть?» [1, с. 361]. Речь, несомненно, идет о величайшем событии в жизни личности, своеобразной инициации — о переходе от неподлинного к подлинному бытию. Смерть означает здесь не что иное, как отказ, освобождение от рабства внешнему, утилитарному, меркантильному и — обретение «самости», внутренней свободы, подлинного Я. Это «Я» заключается и обнаруживается в его творчестве, которое выступает как выражение опыта «перехода». Не случайно в состоянии бреда он «пишет поэму не о воскресении и не о положении во гроб, а о днях, протекших между тем и другим. Он пишет поэму «Смятение» [1, с. 261]. Однако, несомненно, явление смерти в позитивной ипостаси есть также и проявление во сне глубинной христианской направленности Живаго: «Христос освобождает людей от вечной власти смерти». На христианскую символику романа Б. Пастернака указывают многие авторы [3; 4].

В этом свете семантика бытовой деградации и смерти Живаго значительно снижается, ибо подлинным итогом его жизни являются стихи, поэтическое приложение, в котором символически выражено его внутреннее видение описанных событий, вся совокупность экзистенциального опыта человека переходной эпохи. «Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь. Большое, истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает» [1, с. 138].

Библиографический список

1. Пастернак Б. Доктор Живаго // Собрание сочинений: в 2 т. СПб., 2010. Т. 2.
2. Коровина Е. Семантика имени в романе «Доктор Живаго». URL: <http://letopisi.org/index.php>
3. Птицын И.А. Христианская символика в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000. URL: <http://cheloveknauka.com/hristianskaya-simvolika-v-romane-b-pasternaka-doktor-zhivago>
4. Камельянова Ф.Ф. Вечные идеи и ценности в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». URL: <http://psibook.com/literatura/vechnye-idei-i-tsennosti-v-romanah-f-m-dostoevskogo-idiot-i-b-l-pasternaka-doktor-zhivago-opyt-sopostavitelnogo-izucheniya.html> дата обращения 10.11.15